

Юноша был одет в длинный белый халат с вышитыми узорами лотоса, на поясе висела нефритовая подвеска, а его лицо было столь же прекрасно, как и его голубые глаза, ясные, как луна, отражающаяся в озере.

Лу Фань невольно произнёс:

— Котёнок?

Юноша на противоположной стороне удивлённо взглянул, его глаза слегка расширились, делая его невинное лицо ещё более живым, и он выпалил:

— Откуда ты знаешь?

Он никогда раньше не встречал Лу Фаня, и тот должен был знать его только в облике белого кота.

Лу Фань открыл рот, но не смог объяснить, просто почувствовал, что такие глаза, будь то у кота или человека, невозможно спутать.

— Ничего... Что ты здесь делаешь?

Лу Фань спросил, убирая меч и игнорируя возмущённые крики старца из нефритовой подвески, подойдя ближе и бросив взгляд за спину юноши.

И в этот момент он резко остановился, снова подняв меч, его взгляд стал настороженным и холодным:

— Цзи Ханьсюэ из Клана Демонов? Ты осмелился появиться на Южном континенте?

Цзи Ханьсюэ на мгновение удивился, затем усмехнулся:

— Ты действительно хорошо узнаёшь людей. Как ты догадался?

На его лице была грубая деревянная маска, а на нём — красный халат, совершенно не похожий на его обычный стиль. Даже его энергия из-за демонических узоров стала хаотичной и агрессивной, что даже Фэй Цинь на мгновение удивился.

Он продолжал шутить, потому что видел, что котёнок относится к нему хорошо и не считает Лу Фаня врагом.

Однако Лу Фань, в отличие от прежней симпатии, был холоден, его меч был направлен на Цзи Ханьсюэ, а голос звучал резко:

— Ты убил Святую деву Солнца и Луны и осмелился вернуться на Южный континент? Ты

думаешь, что Божественная секта не сможет тебя схватить?

Он держал меч, его родинка на лбу делала его лицо похожим на сострадательного Будду, но он был холоднее, чем Будда, и лишь из-за присутствия котёнка не сразу атаковал.

Улыбка Цзи Ханьсюэ постепенно исчезла:

— Святая дева Солнца и Луны? Я убил? Кто тебе это сказал?

Чэнь Хэ тоже подошёл, взял руку Цзи Ханьсюэ и странно посмотрел на Лу Фаня:

— Ты действительно поверил результатам проверки Бабочкой, оставляющей аромат, и думаешь, что мы виновны в убийстве Святой девы Солнца и Луны?

Лу Фань посмотрел на Чэнь Хэ и медленно покачал головой:

— Не вы, а Цзи Ханьсюэ. Я видел.

— Ты видел? Я даже не видел!

Шуй Цзяньсинь выскочил с подозрительным выражением лица.

Он был первым учеником Божественной секты, который начал расследование после получения приказа, и поэтому смог быстро найти Мин Синя и его спутников, сбежавших на Центральный континент. Он был уверен, что на месте убийства Святой девы не осталось никаких улик.

— У меня есть артефакт, который может ненадолго восстановить прошлые образы, — спокойно сказал Лу Фань, глядя прямо на Цзи Ханьсюэ. — Я видел, как Цзи Ханьсюэ восстановил свою демоническую форму, весь в крови, стоя перед Святой девой и пронзая её грудь рукой.

Именно поэтому он сразу узнал Цзи Ханьсюэ.

Хотя демонические узоры, покрывающие половину его лица, были скрыты маской, но эта густая кровь и красный халат были точно такими же, как у «Цзи Ханьсюэ» из Долины Белого Коршуна.

— Пронзил грудь? Я никогда не убиваю так кроваво, — с улыбкой сказал Цзи Ханьсюэ. — Человеческая кровь грязная.

— Да? Значит, у демонов тоже есть свои границы!

Резко ответил Лу Фань, и его меч, не сдерживаясь, устремился к Цзи Ханьсюэ.

Цзи Ханьсюэ мягко оттолкнул котёнка, который хотел вмешаться, и его Меч лазурного дракона с алыми глазами снова появился, блокируя удар широкого меча Лу Фаня, а столкновение энергий разрушило окружающие камни.

Когда Лу Фань хотел отступить и снова атаковать, серебряная цепь сзади обвила его, прижав к скале.

— Котёнок, отпусти меня, Цзи Ханьсюэ всё это время обманывал тебя!

Лу Фань попытался вырваться, но не смог и с недовольством попросил котёнка.

— Это тебя обманули, — сказал Чэнь Хэ, не только не отпуская, но и забирая его нефритовую подвеску, которая светилась и мешала обзору. — Ты сказал, что видел Цзи Ханьсюэ. Как именно он выглядел?

— Эй, эй, эй! Что ты делаешь? Я тебя чем-то обидел? Лу Фань, ты чего ждёшь? Верни подвеску!

Кричал старец, но его голос слышал только Лу Фань, а тот и не думал обращать на него внимание.

Он был уверен, что котёнка обманули, и потому не скрывал:

— Красные демонические узоры, красный халат, кровавая аура, которую может иметь только демон. Никаких сомнений.

— На лице были шрамы? — спросил Чэнь Хэ.

Лу Фань инстинктивно посмотрел на маску Цзи Ханьсюэ, осознавая что-то, и медленно нахмурился:

— Шрамы можно подделать. Кроме того, этот образ знают лишь немногие, не так ли?

Когда он видел образы из прошлого, он тоже сомневался в их подлинности, но старец уверенно сказал ему, что даже среди демонов такие кровавые узоры крайне редки и, вероятно, являются секретом самого Цзи Ханьсюэ.

Даже если кто-то и подделал их, такие изысканные узоры не могли быть созданы просто так. Кто-то должен был видеть их лично.

Другими словами, в любом случае, Цзи Ханьсюэ оставался главным подозреваемым.

— Это правда, — улыбнулся Цзи Ханьсюэ.

Его демонические узоры, кроме Старого Императора Демонов, не знал даже котёнок, и ему было интересно, кто же смог их так точно подделать.

Лу Фань высокомерно посмотрел на Чэнь Хэ.

— Возможно, я знаю, — внезапно сказал Чэнь Хэ, подтянув Лун Сяна. — Как ты выбрался из Бездны Ледящего Холода? И как нашёл меня и Цзи Ханьсюэ?

Лун Сян отчаянно замотал головой, его лицо выражало страх.

— Как я и предполагал, — сказал Чэнь Хэ, глядя на растерянного Лу Фаня. — Есть кто-то, кто очень хорошо знает меня и Цзи Ханьсюэ, и его методы весьма необычны.

Он подошёл, снял зеркало с груди Лун Сяна, и серебряная цепь отделила часть, извлекая слабый, почти исчезнувший след энергии, запечатанный духовной силой.

— Если бы это был кто-то другой, я бы не мог быть уверен, но если это я или Цзи Ханьсюэ, подделка любой степени не удивительна.

Чэнь Хэ поднёс этот след к Лун Сяну, другой рукой выпустив миниатюрную железную клетку, в которой был заперт золотой символ свастики.

— Хм... Попробуем.

Чэнь Хэ сохранил этот след, и теперь у него возникла идея. Он снова вызвал символ свастики и вместе с остатком энергии поднёс его к Лу Фаню.

Он и Цзи Ханьсюэ уже чувствовали силу этого золотого символа, но для Лу Фаня это было впервые, и он мог увидеть что-то новое.

Перед скалой, увидев символ свастики, Лу Фань на мгновение удивился, открыл рот, чтобы что-то сказать, но в следующую секунду погрузился в состояние, из которого не мог выйти.

Мгновенное видение для Лу Фаня показалось вечностью.

Он увидел две картины.

На первой была женщина в странной одежде, стоящая рядом с красивым мужчиной с узкими глазами под солнцем. Мужчина, словно впервые увидев солнечный свет, наслаждался им.

На второй картине, в сумерках, в украшенном фонарями дворе стояли новобрачные в красных

одеждах. Невеста была покрыта фатой, а жених... был им самим.

В отличие от первой, непонятной картины, Лу Фань сосредоточился на второй.

Это было... место, где он жил более десяти лет, прежде чем вступил на путь совершенствования. Кроме новоприклеенного иероглифа «счастье», всё выглядело точно так же, как в его памяти.

Люди во дворе, которых он не видел с того дня, даже во сне, — отец, мать, Сяо Ху, Эр Я, тётя Ян, дядя Кузнец...

Они словно никогда не уходили, более того, они выросли: младшие потеряли детскую наивность, старшие поседели, но остались бодрыми. Они окружили его, уже взрослого, и с теплотой желали ему и невесте долгой и счастливой жизни.

Лу Фань, слушая их поздравления, стиснул зубы, чтобы не потерять самообладание, но горечь в горле невозможно было сдержать.

— Что это? — спросил Лу Фань, глубоко вздохнув, стараясь говорить спокойно, но в голосе всё же появилась хрипота.

— Не знаю, — ответил Чэнь Хэ, глядя на пристальный взгляд Лу Фаня. — Твоё прошлое... или будущее?

<http://bllate.org/book/15407/1362062>